

А. Х. МАХМУТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ У ТАТАР

(БОРЬБА ВОКРУГ ШКОЛЬНОГО ВОПРОСА.
1861—1917)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

Вопрос о русско-татарских школах касался и первого общегосударственного закона об народном образовании, принятого в Москве в 1901 г. Уфимская губернская земская управа, представлявшая доклад в Министерство начального образования верховных органов Восточной России, высказалась вопросом: «Почему не могут ли применяться в русском, соответствующему по образовательным возможностям и сложившимся, уже приспособленным старой конфессиональной школе в новые условия? Почему не обратится она к услугам обычной начальной школы, выработанной инородческой (русско-татарской, русско-башкирской и т. д.)?»⁷⁶.

Ознакомившись внимательно с этим вопросом, Уфимская губернская земская управа пришла к такому выводу: «Видно, что не в недостатке стремления к образованию среди инородцев населения, а в неперспективности школы в ее видах и особенностях может причина этого явления?»⁷⁷.

В докладе подчеркивалось, что «школа для инородческого населения должна служить исключительно целью просвещения, не касаясь при этом никаких политических целей... Учреждение, издающая просветительские дела, должны всегда считаться с религиозными и всеми интересами того населения, которому она призвана служить целью. Иначе вся работа может оказаться напрасной. Почему же обучение должно быть устроено так, что может вызвать инородцам подозрение, что просветитель служит не только к соблазну инородцев, но и к чему то другому. В школах для башки, как где-либо, нужна осторожность»⁷⁸.

Однако эти замечания для решения с установленной версией правительства, в конечном не могли быть приняты во внимание. В связи с вопросом увеличения Казанского учебного округа во вступившем вступившем вступившем для народного населения г. Казань департамент народного просвещения сообщил ему в 1902 г., что «министерство народного просвещения не уваживает преимуществ в отпуску средств на открытие школ и для татарского населения г. Казань, причем этот вопрос тогда учился подлежит предпочтению школы по правилам 1 ноября 1907 года»⁷⁹.

Русско-татарские училища сохранялись и по правилам 14 июня 1913 г. Появление их к жизни было вызвано тем, что «одна из главных причин издания этих правил (правил 1 ноября 1907 г.— А. М.) — распространение между инородцами знания русского языка и сближение их с русским народом — не достигается. Такое положение дела не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного, которому должно быть отведено подобающее место во всякой школе»⁷⁸.

Новые правила предусматривали усиление внимания преподаванию русского языка в целях скорейшего усвоения его учащимися школ, так как «задача начальной инородческой школы состоит не в одном лишь сообщении учащимся необходимых знаний, но и в приобщении подрастающих поколений инородцев к общей гражданской жизни их отечества. Для достижения этой последней цели

знание языка государственного представляется безусловно необходимым»⁷⁹.

Министр народного просвещения Л. Кассо, совершивший инспекторскую поездку по губерниям Казанского учебного округа, указывал в 1914 г. попечителю округа, что «в целях планомерного, в связи с введением всеобщего, распространения образования, надлежит озаботиться составлением школьных сетей» и для нерусского населения округа, и предписывал при этом пользоваться правилами 14 июня 1913 г.⁸⁰

Составление школьной сети для татарского населения привнесло на местном уровне историчность. Так, например, директор народных училищ Казанской губернии докладывал попечителю 3 июля 1914 г.: «Что же касается татарского (магометанского) населения, то ввиду исключительной обширности его в казанском и в татарском местном управлении к получению русского образования, для него особые училища в школьной сети включены не были, а открывались они по мере надобности — в зависимости от возбуждения татарского общественного сознания и деятельности. В 1909 г. открыто в Казани (без Пермской губернии) в 1909 г. составлена была школьная сеть, но включенным в нее к русско-татарским училищам, но без магометанских, однако, школ — времени открытой не».

Таким образом составление школьной сети учебные заведения ставилось в податочность учителям для вновь открывавшихся русско-татарских школ. «Другое, не менее важное, затруднение при введении всеобщего в татарско-магометанское население... связано в той же докладной, — заключается в недостатке учителей из магометан. Этот недостаток наблюдается даже и теперь, при сравнительно значительном числе открытой вновь русско-татарских училищ»⁸¹.

О таком же затруднении докладывал и директор народных училищ Вятской губернии: «Школьные сети не предусматривались достаточно количеством школ для татарского населения губернии, но на практике открытые школы для татарского населения встречают довольно значительные затруднения ввиду фактического татар и магометан, чтобы в их составе открывались русско-татарские училища, а также — в главном образом — ввиду недостаточности учителей магометан. Особенно сильное затруднение испытывается в училищах для женского магометанского пола, так как по религиозным верованиям магометанские девочки не могут обучаться совместно с мальчиками, потому для девочек магометанок приходится открывать особые школы»⁸².

Вятские учителя, отмечавшие «большой недостаток народного образования»⁸³, искали пути для выхода из создававшегося положения. Так, в целях подготовки учителей для русско-татарских школ Сарапульские училища совместно подготавливали и разрабатывали принять в Сарапульские женские училищские семинарии учителей-магометанок. При этом училища женского собрания подчеркивали: «Если на это податейство не будет получено удовлетворения, вместе не представится возможность во всем объеме вести в татарском женском образовании»⁸⁴.